

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 2. С. 576–610.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 7, no. 2 (2023): 576–610.

Обзорная статья

УДК 94(470):930

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-2-5>

Британский историк Пол Дьюкс о регионах России в контексте ее истории

Елена Вениаминовна Алексеева

Институт истории и археологии Уральского отделения

Российской академии наук,

Екатеринбург, Россия

alekseeva167@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9958-9123>

Elena V. Alekseeva

Institute of History and Archeology

of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

Ekaterinburg, Russia,

alekseeva167@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9958-9123>

Аннотация. Статья посвящена исследованию истории северных и восточных регионов России членом Эдинбургского королевского общества, заслуженным профессором Абердинского университета Полом Дьюксом (1934–2021). На основе научных публикаций британского историка и его травелога, отражающего личные впечатления от знакомства с российской глубинкой, представлено его понимание специфики Русского Севера, Урала, Дальнего Востока в истории России. Показано, что созданием образа этих периферийных, но очень значимых для России и мира регионов, британский историк внес заметный вклад в англоязычную историографию. Работая в жанре аналитического нарратива, он опирался на труды российских, советских, западных историков, исторические документы, собственные впечатления. Чертами авторского стиля П. Дьюкса были историзм, объективизм, широта кругозора, компаративизм, умение настраивать исследовательскую оптику на микро- и макрорежимы в зависимости от задач и специфики исследования. Образ Русского Севера сформирован личными впечатлениями британского путешественника, в нем сторонний наблюдатель запечатлел детали и обстоятельства постсоветского времени, не испортившего, впрочем, теплоты восприятия традиционных ценностей и открытости северян. Первопроходческая в англоязычной историографии монография по истории Урала с начала его освоения русскими и практически до наших дней открывает зарубежному читателю значение крупнейшего металлургического района для развития России и мира. Маньчжурия в российской и советской истории рассмотрена в контексте насыщенного международного соперничества.

© Алексеева Е.В., 2023

© Alekseeva E., 2023

Ключевые слова: Пол Дьюкс, история России, империя, современность, регионы, Русский Север, Урал, Дальний Восток, модернизация

Для цитирования: Алексеева Е.В. Британский историк Пол Дьюкс о регионах России в контексте ее истории // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 2. С. 576–610. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-2-5>

British Historian Paul Dukes on the Regions of Russia in the Context of its History

Abstract. The article is devoted to the study of the history of Russia's northern and eastern regions by Paul Dukes (1934–2021), a fellow of the Royal Society of Edinburgh, Professor Emeritus at the University of Aberdeen. Based on the British historian's scholarly publications and his travelogue sharing his personal impressions of Russian hinterland, the article presents his understanding of the specifics of the Russian North, the Urals, and the Far East in the history of Russia. It has been shown that the British historian made a significant contribution to English-language historiography by creating an image of the regions that are peripheral but nonetheless very significant for Russia and the world. He worked in the genre of analytical narrative and his scholarship was based upon the works of Russian, Soviet, and Western historians, historical documents, and his own impressions. Historicism, objectivism, broad outlook, comparativism, and the ability to adjust his research optics to micro- and macromodes depending on the tasks and specifics of the study were typical traits of the style of Paul Dukes' writing. The image of the Russian North was shaped by the personal impressions of the British traveler; as an outside observer, he captured the details and circumstances of the post-Soviet period, which, however, did not spoil the warmth of perception of traditional values and hospitality of the northerners. Path-breaking in the English-language historiography, his monograph on the history of the Urals from the early Russian colonization to the present day reveals to the foreign reader the significance of the largest metallurgical region for the development of Russia and the world. Manchuria in Russian and Soviet history is considered in the context of intense international rivalry.

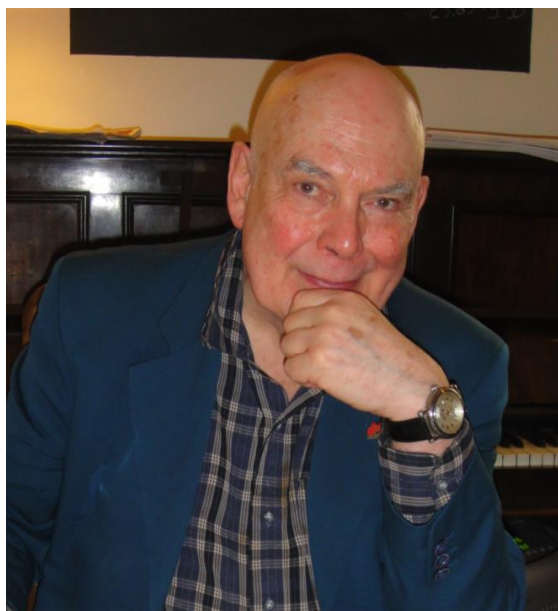
Keywords: Paul Dukes, history of Russia, empire, modernity, regions, Russian North, Urals, Far East, modernization

For citation: Alekseeva, E.V. "British Historian Paul Dukes on the Regions of Russia in the Context of its History." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 2 (2023): 576–610, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-2-5>

Введение

Пол Дьюкс (1934–2021) – историк с мировым именем, член Эдинбургского королевского общества, заслуженный профессор Абердинского университета, оставил после себя богатое научное наследие, насчитывающее более 20 книг и несколько сотен статей, опубликованных в странах Европы и США. Он обладал замечательной широтой исторического видения, а также редкой способностью трансформировать огромные объемы информации в живо написанные, но при этом глубокие исследования. Особое и ведущее место в научном творчестве П. Дьюкса занимала Россия и осмысление пройденного ею исторического пути.

Пол Дьюкс родился недалеко от Лондона 5 апреля 1934 г. В 1951–1954 гг. он изучал историю в знаменитом Питерхаусе, первом из основанных в Кембридже колледжей. В качестве стипендиата программы Фулбрайта в Вашингтонском университете (Сиэтл, США) в 1956 г. Дьюкс защитил магистерскую диссертацию по американской истории колониального периода. Интерес молодого человека к истории России зародился во время службы в армии (1956–1958 гг.), когда он выучил русский язык в Объединенной языковой школе в Крейле, округ Файф, Шотландия. Освоив язык и увлекшись русской историей, Дьюкс под руководством Хью Сетон-Уотсона и Джона Кипа подготовил в Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета докторскую диссертацию на тему «Русское дворянство и Уложенная комиссия 1767 г.» (“The Russian Nobility and the Legislative Commission of 1767”), защитив ее в 1964 г. В этом же году остепененный исследователь начал преподавать историю в Абердинском университете, где в дальнейшем стал профессором и заведующим кафедрой. В 1989 г. он основал в Абердинском университете Центр изучения России, Восточной и Центральной Европы. После окончания преподавания в университете и выхода на пенсию в 1999 г. Дьюкс оставался активным историком (о чем свидетельствует его обширная библиография) и много путешествовал с научными целями по России – был в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Архангельске, Орле, Рязани и Владивостоке¹.

Пол Дьюкс. Абердин, 2013 г.
Источник: фото Е.В. Алексеевой

¹ *Frame M.* Scotsman Obituaries: Prof Paul Dukes, historian known for works on Russia // *The Scotsman*. URL: <https://www.scotsman.com/news/people/scotsman-obituaries-prof-paul-dukes-historian-known-for-works-on-russia-3411364> (дата обращения: 01.02.2022).

Для Дьюкса как историка был характерен броделевский подход “*la longue durée*”, широкие сравнения и глобальная перспектива в понимании русской истории. Он исходил из того, что Россия – неотъемлемая часть мирового исторического процесса, а не страна, которую следует рассматривать «отдельно», как это часто бывает в западной историографии. В концепции П. Дьюкса самобытное в истории России было специфическим вариантом общеевропейского развития. Он был убежден, что «история в основе своей есть органический процесс, а не конгломерат взаимозаменяемых частей»².

Во всех своих работах Дьюкс проводил мысль, что история как научная дисциплина при должном обращении может помочь в решении многих мировых проблем. Это, пожалуй, наиболее ярко звучит в его книге «Минуты до полуночи. Историческая наука и эра антропоцена с 1763 года» – исследовании о роли истории и эпохе антропоцена, требующей междисциплинарного подхода к решению природно-климатического кризиса³. Из его непоколебимой убежденности в социальной ценности истории следовало стремление донести знания о прошлом до возможно более широкой читательской аудитории, до людей, которые, в свою очередь, творят историю своими повседневными действиями.

Прошлое действительно детерминировано, хотя чрезвычайно трудно понять, что именно его определило. Настоящее предлагает выбор, хотя и ограниченный прошлым. Будущее, в свою очередь, будет во многом зависеть от выбора, который мы делаем прямо сейчас⁴.

² *Dukes P.* The Discontents of Counterfactualism // *History today*. 2017. Vol. 67, iss. 1. P. 72.

³ *Dukes P.* *Minutes to Midnight: History and the Anthropocene Era since 1763*. London: Anthem Press, 2011; Дьюкс П. *Минуты до полуночи: историческая наука и эра антропоцена с 1763 года* / перевод с английского А.А. Алексеевой. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2015.

⁴ *Dukes P.* The Discontents of Counterfactualism. P. 72.

Пол Дьюкс на автограф-сессии его книг «Минуты до полуночи: историческая наука и эра антропоцена с 1763 года» и “A History of the Urals: Russia’s Crucible from the Early Empire to the Post-Soviet Era”. Екатеринбург, 2015 г.

Источник: Фото А. Е. Курлаева

Труды П. Дьюкса прочно вошли в мировую историографию, используются исследователями в научном творчестве и в учебном процессе, однако специальных работ, посвященных их анализу, очень мало. Среди таких публикаций⁵ заметно выделяется статья екатеринбургского социолога Н.В. Веселковой, которая дает содержательный обзор книги П. Дьюкса об Урале, признавая приоритет ее автора в публикации комплексного сочинения по истории этого региона на английском языке, более широкого тематически и хронологически, чем исследования С. Коткина (S. Kotkin), Дж. Харриса (J.R. Harris), Л. Самуэльсона (L. Samuelson)⁶. Появившиеся недавно публикации, посвященные П. Дьюксу, к сожалению, связаны с кончиной историка и в определенной степени воздают день его памяти⁷. В специальной

⁵ Kondratiev S. Paul Dukes, A History of the Urals: Russia’s Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era. London: Bloomsbury Academic, 2015. 272 p. // *Revue des études slaves*. 2016. № LXXXVII–3–4. P. 524–527.

⁶ Веселкова Н.В. «Целый край с людьми, природой и всеми богатствами...» // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 1. С. 142; Harris J.R. *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1999; Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995; Samuelson L. *Tankograd. The Formation of a Soviet Company Town: Cheliabinsk 1900s – 1950s*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.

⁷ Голдин В.И. Памяти профессора Пола Дьюкса // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 5. С. 118–120; Голдин В.И. Личность в науке: профессор Пол Дьюкс // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 2. С. 503–514.

статье В.И. Голдина и Е.В. Алексеевой анализируется научное наследие П. Дьюкса в целом, авторами показан диапазон научных интересов ученого и дана их характеристика⁸.

Цель статьи – представить П. Дьюкса как исследователя истории северных и восточных регионов России, охарактеризовать его видение специфики Русского Севера, Урала, Дальнего Востока в хронологически, географически и событийно широком контексте российской и мировой истории.

Основная часть

Данная выше характеристика общеисторических взглядов и подходов П. Дьюкса важна для понимания специфики исследования британским профессором исторического и недавнего прошлого регионов России. Наш историографический интерес к работам П. Дьюкса обусловлен его принадлежностью к тем немногим западным историкам, которые понимали, что историю России необходимо изучать в том числе и как историю ее регионов. К региональной тематике он специально обратился в своих более поздних работах. Базируясь на трудах российских и западных специалистов – зная методологические основы их работ и хорошо ориентируясь в фактологии событий, Дьюкс формировал свои образы тех исторических сюжетов и регионов, которые он изучал. Наша задача – выявить их ключевые черты, что в контексте очередной острой фазы геополитического размежевания представляется актуальным в плане объективации научного знания, фиксации не ангажированной политической позиции авторитетного британского историка.

Важно подчеркнуть, что П. Дьюкс не был «кабинетным ученым», он стремился постичь прошлое и настоящее России не только путем изучения исторических источников и книг, но и опираясь на свой личный опыт. В 1997 г. Дьюкс вместе с известным историком, неутомимым путешественником, профессором Архангельского университета В.И. Голдиным совершил интереснейшую поездку по Северу России, посетив Вологду, Великий Устюг и Архангельск, несколько северных монастырей. В статье «Мое открытие Русского Севера», последней опубликованной при его жизни и представляющей, по сути, небольшой травелог⁹, П. Дьюкс описывает свои впечатления о Русском Севере и о людях, с которыми довелось встретиться в

⁸ Голдин В.И., Алексеева Е.В. Британский исследователь истории России: научное наследие профессора Пола Дьюкса // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 189–198.

⁹ Никитина Н.А., Тулякова Н.А. Жанр травелога: когнитивная модель // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сборник научных статей / под редакцией И.Ю. Щемелевой. Санкт-Петербург: Астерион, 2013. Вып. 5. С. 132–138.

ходе насыщенной поездки, характеризует увиденные им специфические черты этого региона¹⁰. Он подмечал их как в обстоятельствах стандартной академической деятельности – встречаясь с коллегами, выступая на встречах со студентами, посещая учебные заведения, архивохранилища, библиотеки, так и по мере знакомства с жителями и достопримечательностями северной глубинки. Визит был насыщен яркими встречами, колоритными впечатлениями об исторических местах, в которых профессор, написавший множество работ по истории России (в том числе, участие в ней шотландцев¹¹), то и дело подмечал следы давних русско-британских контактов.

Знакомство с Русским Севером началось с Вологды, его камертоном стало гостеприимство профессора, заведующего кафедрой теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета Александра Васильевича Камкина, пригласившего коллег на завтрак, запомнившийся британскому гостю своим разнообразием и тем, что «большая часть восхитительной еды была выращена нашим хозяином, увлеченным садовником и местным патриотом»¹². Последовавшая за теплым приемом экскурсия по Вологде началась с городского музея, где британского профессора особенно поразила коллекция икон, в том числе специально адаптированных в ходе христианизации народа коми. Вологодский архив впечатлил историка разнообразием и обилием архивных фондов. В соборе внимательный взгляд путешественника отметил запечатленное на фреске разделение на праведников христиан и грешников иностранцев (легко узнаваемых по белым воротникам и черным шляпам).

В своих заметках он фиксировал неспешность северного мира, даже некое сонное постсоветское «оцепенение», пришедшее на смену временам оживленного расцвета Русского Севера. Женщины, стирающие белье в Сухоне, мужчины-рыбаки на ее берегу, натуральность пищи, добросердечие случайных попутчиков, готовых угостить домашней снедью, дарами леса, следы истории, запечатленные в церквях и улочках северных городов, – все это создавало

¹⁰ *Dukes P.* My Discovery of the Russian North // Жизнь, полная смысла. Профессор В.И. Голдин: историк, политолог, науковед, международник, путешественник: сборник к 70-летию доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владислава Ивановича Голдина / составитель М.Л. Марченков. Архангельск: Лоция, 2021. С. 22–28.

¹¹ *Dukes P.* The Making of Russian Absolutism, 1613–1801. London; New York: Longman, 1982; *Russia and Europe* / edited by P. Dukes. London: Collins & Brown, 1991; *Dukes P.* A History of Russia. Medieval, Modern, and Contemporary. London: McGraw-Hill Book Company, 1974; *Dukes P., Herd G.P., Kotiliane J.T.* Stuarts and Romanovs. The Rise and Fall of a Special Relationship. Dundee: Dundee University Press, 2009 и др.

¹² *Dukes P.* My Discovery of the Russian North. С. 23.

образ патриархальности традиционного общества. Даже в далекой северной глубинке, в окрестностях Антониево-Сийского монастыря, Пол сохранял истинно британскую невозмутимость и столь присущее ему чувство юмора.

Я решил прогуляться за пределами монастыря и был несколько удивлен, увидев медведей, идущих мне навстречу по дороге. Мы прошли мимо друг друга достаточно небрежно¹³.

Интерес к Северу и Арктике у П. Дьюкса вполне объясняется его работой в Абердинском университете, ведь шотландцы, считая себя северянами, прилагали большие усилия к развитию отношений со скандинавскими странами, Финляндией и Русским Севером.

Плодотворным стало многолетнее сотрудничество П. Дьюкса с уральскими историками. Он приезжал на Урал четыре раза, каждый раз углубляя знания о регионе и расширяя свое представление о нем географически. В свой первый визит в Екатеринбург он посетил символическую границу Европы и Азии, затем побывал в Невьянске, Алапаевске, Верхней Пышме, а также в сохранивших традиционную крестьянскую историю селах Нижней Синячихе и Коптелово. «Почувствовав» Урал, он мог вполне обоснованно размышлять о его региональной специфике. В докладе на конференции Института истории и археологии УрО РАН в 2013 г. «Региональный фактор российской модернизации в XVIII–XX вв.» П. Дьюкс, символически оттолкнувшись от сопоставления знаменитых высказываний двух национальных поэтов: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...» (Федор Тютчев) и «Шотландию не определить, она едина лишь на карте» (Роберт Льюис Стивенсон), указал на основные различия между Уралом и Шотландией как страной, включающей в себя 14 регионов¹⁴.

¹³ *Dukes P. My Discovery of the Russian North. С. 26.*

¹⁴ Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв.: сборник научных статей / под редакцией В.В. Алексеева. Екатеринбург: УИПЦ, 2013. С. 43.

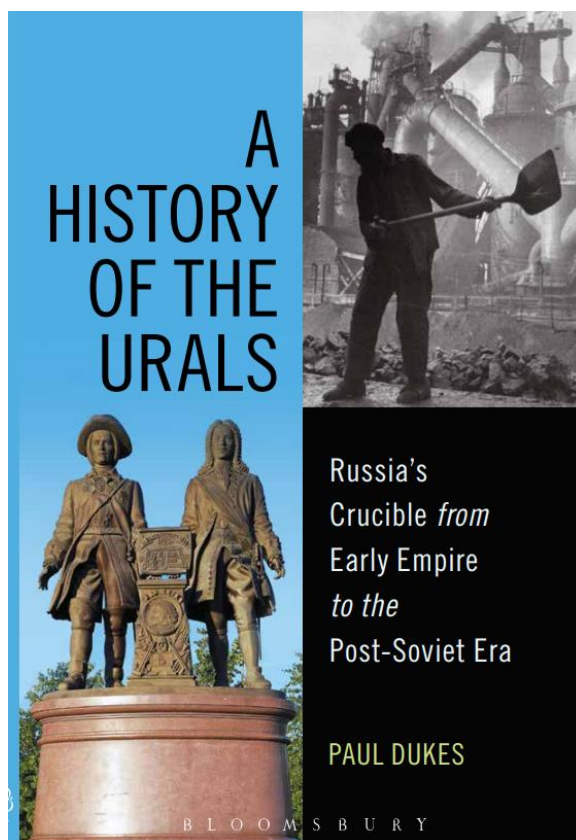
Пол Дьюкс на колокольне Невьянской башни. Невьянск, 2013 г.

Источник: фото Е.В. Алексеевой

Результатом сотрудничества с уральскими коллегами и его поездок в Екатеринбург стала изданная в 2015 г. в Англии книга «История Урала. Горнило России с истоков империи до постсоветской эпохи»¹⁵. Автор указывает на применимость обоих значений существительного «горнило» – «плавильный тигель» и «испытания» – к предмету своего исследования, поскольку Урал произвел много металла и преодолел множество трудностей¹⁶.

¹⁵ *Dukes P. A History of the Urals: Russia's Crucible from the Early Empire to the Post-Soviet Era. London: Bloomsbury, 2015.*

¹⁶ *Dukes P. A History of the Urals. P. X.*

Обложка книги П. Дьюкса «История Урала. Горнило России с истоков империи до постсоветской эпохи»
Источник: фото Е.В. Алексеевой

В своей первопроходческой работе (это первая книга, рассказывающая на английском языке об истории Урала со времени его освоения русскими до современности) Дьюкс фокусирует внимание на Урале именно в его региональном аспекте, убедительно демонстрируя, что Урал – не просто традиционная географическая граница между европейской и азиатской Россией, но ключевой регион в экономической, социальной, технологической и военной истории царской, советской и постсоветской России, способствовавший укреплению ее положения в мире. Особенность исследовательской позиции Дьюкса заключается в том, что он рассматривает регион не как фронтир Европы или Азии, но как значимую часть планеты в целом. История Урала – «это микрокосм современной мировой истории, двигавшейся от охоты, земледелия и торговли к индустриализму»¹⁷. Ученый исследует историю региона, знаковыми географическими рубежами которого на ранних этапах были Соликамск и Верхотурье, и его вклад в развитие государства, начиная с XVI в. и заканчивая 2012 г. (временем написания книги), предлагая столь необходимый противовес устойчивой москвоцентричной интерпретации русской истории, характерной порой не

¹⁷ Dukes P. A History of the Urals. P. 4.

только для зарубежной историографии, но и для наших столичных коллег. Отдавая дань признания разного рода заслуг в развитии Урала первым лицам в российской и советской истории (попутно заметим, что исследованию роли личности в истории Дьюкс посвятил множество страниц в своих трудах, анализируя деятельность представителей домов Стюартов и Романовых, вождей мирового и российского революционных процессов, лидеров Большой тройки в годы Второй мировой войны¹⁸), историк подчеркивает, что государственные деятели всегда опирались на своих сподвижников, талантливых и энергичных администраторов, на тех, кто, подобно Татищеву и Геннину, «развивали достояние империи на местах»¹⁹.

История Урала подразделяется автором на восемь этапов и аналитически раскрывается через три волны российских модернизаций (дореволюционная, советская и постсоветская), каждая из которых характеризуется через систему государственного контроля, эксплуатации природных и человеческих ресурсов и развития культуры²⁰. П. Дьюкс последовательно знакомит читателя с освоением нового для русских края, его технико-экономической и социокультурной эволюцией на этапах создания империи (1552–1725 гг.); царской модернизации (1725–1825 гг.); контрреформ (1825–1894 гг.); перехода от царской к советской России (1894–1921 гг.); советской модернизации и Великой Отечественной войны (1921–1945 гг.); послевоенной реконструкции и холодной войны (1945–1964 гг.); застоя и краха советского государства (1964–1991 гг.); новой России (1991–2012 гг.). Внимание читателей (не только историков, но и, к примеру, социологов) привлекает

игра масштабов, прежде всего регионального и национального, к которым иногда добавляются сравнительные наблюдения о Российской и Британской империях, советской и американской индустриализации²¹.

П. Дьюкс буквально «вплетает» уральскую тему в общую канву российской и мировой истории, начиная с прихода в регион русских, показывая, как, по мере развития промышленности, он из периферийного превращался в опорный, приобретая все большее значение для восходящего государства, каковым Россия стала в первой четверти XVIII в. Тогда, в отличие от нисходящих

¹⁸ *Dukes P. October and the World. Perspectives on the Russian Revolution. London: Palgrave Macmillan, 1979; Dukes P., Herd G.P., Kotiliane J.T. Stuarts and Romanovs; Dukes P. 'Great Men' in the Second World War. The Rise and Fall of the Big Three. London: Bloomsbury Academic, 2017 и др.*

¹⁹ *Dukes P. A History of the Urals. P. 27.*

²⁰ *Dukes P. A History of the Urals. P. 3.*

²¹ *Веселкова Н.В. «Целый край с людьми, природой и всеми богатствами...». С. 141.*

Швеции, Польши, отчасти Голландии и Франции, Российская и Британская империи находились на восходящем витке своего развития, и Уральский регион – благодаря разворачиванию индустриального потенциала – сыграл существенную роль в подъеме русской мощи, равнении ее на британское промышленное развитие. Таким образом, к середине XVIII в. две трети производившегося уральскими заводами металла экспортировалось в Великобританию²².

Уделяя достаточное внимание национальным, экономическим, культурным противоречиям и трудностям, сопровождавшим историю края на протяжении всего периода рассмотрения, британский историк остается взвешенным в своих оценках даже острых столкновений, сохраняя беспристрастность изложения, не политизируя и не смещая безосновательно акценты в сторону варварства, деспотичности и разного рода ущемлений народов и личностей царским, а позже советским и постсоветским государством, как это часто делается в британской историографии, много столетий старательно формировавшей из России образ дикаря и врага. Учет разнообразных сложностей и вызовов социальному развитию России в условиях внешних угроз, сурового климата и больших географических пространств позволяет историку вести свое исследование не конъюнктурно, но с объективных позиций, профессионально.

Анализируя понимание Полом Дьюксом географических детерминант и исторических условий формирования культурного и политического регионализма в России, стоит отметить, что, будучи жителем островного государства, он распространял метафору острова на Урал, воспринимая огромный массив российской суши как океан, в котором уральский регион предстал группой островов, меняющих свои очертания, то сжимаясь, то расширяясь. Прибегая к другой аналогии, он указывал на первопроходцев, пересекавших североамериканские равнины, которые также казались им безбрежным океаном. Эти сравнения Урала с США и Европой не только образны, но и подчеркивают статус региона, его мировое значение²³. Размышляя над особенностями географического рельефа, гористого на севере и юге, но пологого в центре, историк называет «Каменный пояс», подобно экватору или Гринвичскому меридиану, одним из великих мировых разделителей. Однако, связывая географические особенности и социоэкономические процессы, историк исходил из своего видения Урала, рассматриваемого не в качестве какой-либо границы, а как самобытного региона, определяемого прежде всего исторической, а не административной общностью. На протяжении всей истории государство стремилось укрепить

²² *Dukes P. A History of the Urals. P. 27, 30.*

²³ *Dukes P. A History of the Urals. P. 4.*

свое присутствие на Урале, распространяя там свою административную и образовательную системы, в то время как жители региона отстаивали свою идентичность. Дьюкс отмечал, что именно наименее гористая его часть, условная «середина» хребта стала с XVIII в. наиболее значимым центром металлургии, «горнилом» Российской империи и Советского Союза, продолжая оставаться одним из самых важных промышленных регионов государства до того времени, как нефть и газ «переключили» внимание на север.

Дьюкс называет Урал «мировым лидером» (имея в виду объемы и качество производимого металла) в 1761–1801 гг. В этой связи весьма показательны слова агента Русской компании м-ра Фостера, сказанные в ходе дискуссии в британской Палате общин в 1774 г.:

Товары, привозимые нами из России: пенька, железо, лен – так незаменимо необходимы нам для всех целей сельского хозяйства и торговли, что даже если бы у нас не было экспортной торговли, нам следовало бы очень усердно культивировать дружбу с Россией хотя бы ради импортной торговли... без них нашему флоту, нашей торговле, нашему сельскому хозяйству придет конец; без них где было бы наше богатство, наши морские доблести?²⁴

Подчеркивая взаимосвязанность экономик и культур, британский историк приходит к выводу, что «Европа была весьма полезна для модернизации Урала, а модернизация Урала – полезна для Европы»²⁵.

²⁴ *Dukes P. A History of the Urals. P. 37–38.*

²⁵ *Dukes P. A History of the Urals. P. 45.*

Пол Дьюкс на конференции «Диффузия европейских инноваций в Российской империи».
Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2009 г.
Источник: фото М. Макаровой

В последние годы жизни профессор Дьюкс изучал российский Дальний Восток, посетив, в частности, в 2017 г. Владивосток. Этот регион интересовал его как объект международного соперничества. Кроме того, ученый исследовал особенности развития Дальнего Востока в зависимости от влияния внешних факторов и значение его для России. Результатом его исследования стала завершенная незадолго до смерти книга «Россия в Маньчжурии: проблема империи», опубликованная в Лондоне зимой 2022 г.²⁶ Это преимущественно аналитический нарратив, в котором дан обзор истории Маньчжурии с особым фокусом на российский и советский фактор, длительное время доминировавший в международных взаимоотношениях в этом регионе. Оттолкнувшись от ранней колонизации региона, автор рассматривает значение Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина для укрепления российского присутствия в регионе и развития его экономики. Харбин и русские люди в нем – в центре внимания исследователя. Не случайно книге предпослан эпиграф – стихотворение А.И. Несмелого:

²⁶ *Dukes P. Russia in Manchuria. A Problem of Empire. London: Routledge, 2022.*

Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой.
Пусть удел подобный горек –
Не опустим глаз:
Вспомяни, старик-историк,
Вспомяни о нас.
Ты забытое отыщешь,
Впишешь в скорбный лист,
Да на русское кладбище
Забежит турист.
Он возьмет с собой словарик
Надписи читать...
Так погаснет наш фонарик,
Утомясь мерцать!²⁷

Харбин, выросший благодаря строительству железной дороги и населенный китайцами и русскими, обладал отличительной чертой глубинного региона, которая еще более усилилась в годы русско-японской войны: он давал убежище для раненых и развлечения для солдат и офицеров, ожидавших вызова на фронт. После войны 1904–1905 гг., когда Россия и Япония разделили Маньчжурию на северную и южную сферы интересов (Россия преобладала в Монголии, а Япония захватила Корею), Харбин, «русская столица» в Маньчжурии, продолжал расти и развиваться. Космополитизм этого города визуально отпечатался в образах культуры 1920-х годов – модной одежде и бесконечном чарльстоне, а также в оживленной прессе и идеологических дискуссиях, отчасти схожих с теми, что имели место в веймарской Германии.

Особенность этой монографии заключается в том, что, будучи посвященной конкретному региону, расположенному на северо-востоке Китая, – Маньчжурии, она представляет его читателю в качестве призмы, преломляющей лучи имперских устремлений России, Британии, Японии, США. На протяжении всей книги автор размышляет о природе империи, особенностях российского/советского империализма, а также о его сходствах и отличиях от имперского опыта других стран. П. Дьюкс проводит параллели между Британской и Российской империями: обе они апеллировали к греко-римской имперской традиции, вели активную экспансию в XVII в. – движимую соответственно британскими «морскими волками» и русскими казаками,

²⁷ Несмелов А.И. Стихи о Харбине // Викитека. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Стихи_о_Харбине_\(Несмелов\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Стихи_о_Харбине_(Несмелов)) (дата обращения: 01.02.2022).

покорявшими просторы Сибири. Эта экспансия поощрялась новыми правящими династиями – Стюартов (Яков I стал королем в 1603 г.) и Романовых (Михаил Романов избран на царство в 1613 г.). Однако присоединение новых территорий шло неравномерно, поскольку к середине XVII в. Британия и Россия столкнулись с серьезными внутренними потрясениями. И все же первыми проникли в Маньчжурию русские, а британцы, французы, немцы, американцы появились в регионе позднее²⁸. Хотя, по мере усиления глобальной имперской конкуренции, Великобритания и Россия проявляли все больший интерес к Дальнему Востоку, до появления железной дороги в Маньчжурии серьезных столкновений не происходило. Однако в начале XX в. за беспорядками в Китае (боксерское восстание) последовала русско-японская война, которая оказала существенное влияние не только на сам Дальний Восток, но и на весь мир, став, в частности, одной из предпосылок первой русской революции. Борьба за власть в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции приняла особенно напряженный характер на Дальнем Востоке. В августе 1945 г. Красная Армия вошла в Маньчжоу-Го и вскоре одержала победу, положившую конец Второй мировой войне. Завершением экспансии данного региона стала Корейская война 1950 г., которая, по мнению П. Дьюкса, убедила Сталина в том, что Советскому Союзу пора покинуть Маньчжурию.

Заключение

Британский историк Пол Дьюкс внес заметный вклад в создание образа периферийных – северных, восточных регионов России в англоязычной историографии. Работая в жанре аналитического нарратива, опираясь на труды российских, советских, западных историков, исторические документы, собственные впечатления, он рассматривал изучаемые им регионы России в разных контекстах – от персонального до геополитического.

Образ Русского Севера, созданный П. Дьюксом, был сформирован личными впечатлениями иностранного путешественника и отразил детали повседневности и человеческих взаимоотношений середины 1990-х гг., а потому воспринимается живым, теплым, патриархальным, самобытным.

Урал как регион изучался П. Дьюксом наиболее подробно: четыре столетия его истории, экономического развития, социальной и культурной жизни охарактеризованы британским историком как в целом, так и в деталях. В своей работе он опирался на методологический фундамент, заложенный в исследовании истории Урала учеными уральской академической школы

²⁸ *Dukes P. Russia in Manchuria. A Problem of Empire. P. 8.*

историков²⁹. Его монография об истории и современности Урала – результат протяженного по времени, выполненного по профессиональным канонам специального исследования географических, экономических, политических, социокультурных детерминант и результатов развития опорного региона России. В этой первопроходческой в западной историографии монографии постулируется и доказывается тезис о необходимости исследовать Урал как регион мирового уровня, не сводя его роль к границе Европы и Азии, Европейской части России и Сибири, фронтиру русского продвижения на восток: «по мере роста важности региона для страны, начиная с XVIII столетия, вопрос о границе Европы и Азии теряет свое значение»³⁰. В результате своего исследования автор пришел к выводу-рекомендации:

Нужно способствовать сочетанию «мощи» (добыча полезных ископаемых) и «мозгов», используемых с XVIII века, со времен Татищева и Геннина, и максимальной степени автономности уральского региона и его жителей в целях реализации двойной задачи: модернизации и конструирования гражданского общества. Только таким образом, после двух неудачных попыток – в царские и в советские времена – Урал сможет полностью реализовать свой потенциал в контексте серьезных проблем, стоящих перед Россией и всем миром³¹.

Русская Маньчжурия предстает в последней монографии П. Дьюкса как регион интенсивного международного соперничества, зона большой турбулентности для пестрого конгломерата людей разного национального, политического, профессионального бэкграунда, своего рода детонатор крупнейших мировых потрясений первой половины XX века.

П. Дьюкс оставил историкам богатое интеллектуальное наследие, показав своими публикациями необходимость и возможность для зарубежного ученого плодотворно вести профессиональное, неангажированное исследование регионов, из которых состоит и на которых держится Россия. Чертами его авторского стиля были историзм, объективизм, широта кругозора, компаративизм, умение настраивать исследовательскую оптику на микро- и макрорежимы в зависимости от задач и специфики исследования.

²⁹ Вениамин Алексеев: горизонты истории / под редакцией И.В. Побережникова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2019. С. 237–259.

³⁰ *Dukes P. A History of the Urals. P. 200.*

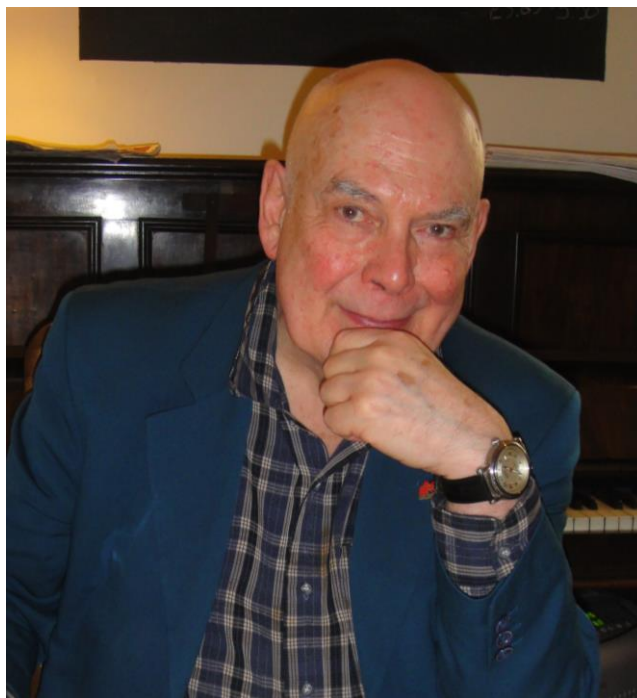
³¹ *Dukes P. A History of the Urals. P. 204.*

Introduction

Paul Dukes (1934–2021), a world-famous historian, fellow of the Royal Society of Edinburgh, Professor Emeritus at the University of Aberdeen, left behind a rich scientific legacy of more than 20 books and several hundred articles published in Europe and the USA. He had a remarkable breadth of historical vision as well as a rare ability to transform vast amounts of information into vividly written, yet profound studies. Russia as well as comprehension of its historical path took a prominent place in Paul Dukes' scholarly work.

Paul Dukes was born near London on April 5, 1934. In 1951–54, he studied history at the famous Peterhouse, the oldest constituent college of the University of Cambridge. As a Fulbright scholarship recipient, Dukes defended his master's thesis on American history of the colonial period at the University of Washington (Seattle, USA) in 1956. The young man's interest in Russian history began during his military service (1956–58) when he learned Russian at the United Language School in Crail, Fife, Scotland. Having mastered the language and become fascinated by Russian history, Dukes studied for a PhD in Russian history at the School of Slavonic and East European Studies, University of London (1959–64) under the guidance of Hugh Seton-Watson and John Keep. He defended his doctoral dissertation *The Russian Nobility and the Legislative Commission of 1767* in 1964. In the same year, the researcher began teaching history at the University of Aberdeen, where he later became a professor and head of the department. In 1989, he founded the Centre for Russian, East and Central European Studies at the University of Aberdeen. After his retirement from university teaching in 1999, Dukes remained no less active as an historian, as attested by his extensive bibliography. He also remained a frequent visitor to Russia, travelling to Moscow, St Petersburg, Yekaterinburg, Arkhangelsk, Orel, Ryazan, and Vladivostok.¹

¹M. Frame, "Scotsman Obituaries: Prof Paul Dukes, Historian Known for Works on Russia," *The Scotsman*, accessed February 1, 2022, <https://www.scotsman.com/news/people/scotsman-obituaries-prof-paul-dukes-historian-known-for-works-on-russia-3411364>

Paul Dukes. Aberdeen, 2013
Source: photo by E.V. Alekseeva

Braudel's *la longue durée* approach, broad comparisons, and a global perspective in understanding Russian history were characteristic of Dukes as a historian. He proceeded from the fact that Russia is an integral part of the world historical process rather than a country that should be considered "individually," which is often the case in Western historiography. According to the Dukes' conception, the unique identity of the history of Russia was a specific variant of pan-European development. He was convinced that "history is fundamentally an organic process, rather than a conglomeration of interchangeable parts."²

In all his writings, Dukes advanced the idea that if handled properly, history as a scientific discipline can help solve many of the world's problems. This is perhaps most vividly expressed in his book *Minutes to Midnight. History and the Anthropocene Era since 1763*, a study on the role of history and the era of the Anthropocene that requires an interdisciplinary approach to the solution of the natural climate crisis.³ His unshakable conviction in the social value of history was followed by the desire to disseminate knowledge about the past among the widest possible readership, among the people who, in their turn, create history with their daily actions.

² P. Dukes, "The Discontents of Counterfactualism". *History Today*, vol. 67, iss. 1 (2017): 72.

³ P. Dukes, *Minutes to Midnight: History and the Anthropocene Era since 1763* (London: Anthem Press, 2011); P. Dukes, *Minutes to Midnight: History and the Anthropocene Era since 1763* [in Russian], trans. by A.A. Alekseeva (Yekaterinburg: UMTs UPI, 2015).

The past is indeed determined, even though it is extremely difficult to work out precisely what determined it. The present offers choices, though ones narrowly circumscribed by the past. And, in its turn, the future will be heavily influenced by the choices we make right now.⁴

Paul Dukes at the autograph session, signing his books *Minutes to Midnight: History and the Anthropocene Era since 1763* and *A History of the Urals: Russia's Crucible from the Early Empire to the Post-Soviet Era*. Yekaterinburg, 2015

Source: Photo by A.E. Kurlaev

The works by Paul Dukes are widely included in world historiography, are used by scholars in their research and in teaching, but the publications on their analysis are not numerous. Among such publications,⁵ an article by Yekaterinburg sociologist N. Veselkova should be noted. The author gives a meaningful overview of P. Dukes' book about the Urals, recognizing its author's priority in publishing a comprehensive work on the history of this region in English, which is topically and chronologically wider than the studies of S. Kotkin, J. Harris, and L. Samuelson.⁶ Unfortunately, the recent publications devoted to Paul Dukes are connected with the death of the

⁴ Dukes, "The Discontents of Counterfactualism," 72.

⁵ S. Kondratiev, "Paul Dukes, *A History of the Urals: Russia's Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era*. London: Bloomsbury Academic, 2015. 272 p.," in *Revue des études slaves*, no. LXXXVII-3-4 (2016): 524-27.

⁶ N.V. Veselkova, "A Whole Region with People, Nature and All the Riches..." [in Russian], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 15, no. 1 (2016): 142; J.R. Harris, *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System* (Ithaca; London: Cornell University Press, 1999); S. Kotkin, *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization* (Berkeley: University of California Press, 1995); L. Samuelson, *Tankograd. The Formation of a Soviet Company Town: Cheliabinsk 1900s – 1950s* (Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011).

historian and, to a certain extent, pay a tribute to his memory⁷ A special article by V. Goldin and E. Alekseeva analyzes Dukes' scientific legacy as a whole; the authors show the range of the scholar's scientific interests and provide their characteristics.⁸

The purpose of this article is to present Paul Dukes as a researcher of the history of the northern and eastern regions of Russia, to characterize his vision of the specifics of the Russian North, the Urals, and the Far East in the chronologically-, geographically- and event-wide context of Russian and world history.

Main body

The above description of P. Dukes' general historical views and approaches is important for understanding the specifics of the British professor's study of the historical and recent past of Russia's regions. My historiographic interest in Dukes' works is due to his belonging to those few Western historians who understood that, among other approaches, the history of Russia must be studied as the history of its regions. He specifically referred to regional topics in his later works. Based on the writings of Russian and Western experts, knowing the methodological foundations of their work and being well informed about the factual framework of events, Dukes formed his own images of the historical storylines and regions he studied. My task is to identify their key features, which seems relevant in the context of yet another acute phase of geopolitical delimitation in terms of objectifying scientific knowledge and recording politically non-committed position of the authoritative British historian.

It is important to emphasize that Paul Dukes was not an armchair scientist. He sought to comprehend the past and present of Russia not only by studying historical sources and books but also by relying on his personal experience. Together with V. Goldin, Professor of Arkhangelsk University, a well-known historian and a tireless traveler, Dukes made an interesting trip to the North of Russia in 1997, visiting Vologda, Veliky Ustyug, Arkhangelsk, and several northern monasteries. In his article *My Discovery of the Russian North*, which was the last to be published during his lifetime and is actually a short travelogue,⁹ Dukes described his

⁷ V.I. Goldin, "In memory of Professor Paul Dukes" [in Russian], *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 5 (2021): 118–20; V.I. Goldin, "Personality in Science: Professor Paul Dukes" [in Russian], *Noveishaya istoriya Rossii*, vol. 12, no. 2 (2022): 503–14.

⁸ V.I. Goldin, and E.V. Alekseeva, "British Researcher of Russian History: the Scientific Legacy of Professor Paul Dukes" [in Russian], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 3 (76) (2022): 189–98.

⁹ N.A. Nikitina, and N.A. Tulyakova, "Travelogue Genre: A Cognitive Model" [in Russian], in *Homo Loquens: Topical Issues of Linguistics and Foreign Language Teaching: Collected Research Articles*, ed. by Yu. Shchemeleva, iss. 5 (St Petersburg: Asterion, 2013), 132–38.

impressions of the Russian North and the people he met during the eventful trip and characterized specific features he saw in the region.¹⁰ He noticed them both in the circumstances of standard academic activities (meeting colleagues, delivering speeches to students, visiting educational institutions, archives, and libraries) and as he got acquainted with the inhabitants and sights of the northern hinterland. The visit was rich in interesting meetings and colorful impressions of historical places where the professor, who had written many works on the history of Russia (including the participation of the Scotsmen in it),¹¹ every now and then noticed traces of long-term Russian-British contacts.

Acquaintance with the Russian North began with Vologda. Its tuning-fork was hospitality of Professor Alexander V. Kamkin, Head of the Department of Theory, History of Culture and Ethnology at Vologda State University, who invited colleagues to lunch, which the British guest remembered for its diversity and the fact that “much of the delicious meal had been grown by our host, a keen gardener and a local patriot.”¹² A warm welcome was followed by excursion around Vologda, which started from the city museum, where the British professor was particularly amazed by the collection of icons, including those specially adapted during the Christianization of the Komi people. The Vologda Archive impressed the historian with the diversity and abundance of archival collections. In the cathedral, the traveler noted with his attentive eyes the division into righteous Christians and foreign sinners (easily recognizable by white collars and black hats) on the fresco.

In his notes, he recorded the deliberateness of the northern world, even some sleepy post-Soviet torpor that replaced the times of the flourishing boom of the Russian North. Women doing their laundry in the Sukhona River, male fishermen on its shore, natural food, kindness of random fellow travelers who were ready to treat him with homemade food and forest gifts, traces of history imprinted in churches and streets of northern cities, – all this created an image of patriarchal traditional society. Even in the remote northern hinterland, in the vicinity of the Siya Monastery of

¹⁰ P. Dukes, “My Discovery of the Russian North,” in *A Life Full of Meaning. Professor V.I. Goldin: A Historian, Political Scientist, Science Theorist, International Affairs Expert, Traveler: A Collection Dedicated to the 70th Anniversary of Vladislav I. Goldin, Doctor of Historical Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation*, comp. by M.L. Marchenkov (Arkhangelsk: Lotsiya, 2021), 22–28.

¹¹ P. Dukes, *The Making of Russian Absolutism, 1613–1801* (London; New York: Longman, 1982); P. Dukes, ed., *Russia and Europe* (London: Collins & Brown, 1991); P. Dukes, *A History of Russia. Medieval, Modern, and Contemporary* (London: McGraw-Hill Book Company, 1974); P. Dukes, G.P. Herd, and J.T. Kotiliane, *Stuarts and Romanovs. The Rise and Fall of a Special Relationship* (Dundee: Dundee University Press, 2009); et al.

¹² Dukes, “My Discovery of the Russian North,” 23.

St. Antonius, Dukes retained a truly British equanimity and a sense of humor so typical of him.

I decided to go for a walk outside the monastery, and was somewhat surprised to find some bears coming towards me on the other side of the road. We passed each other nonchalantly enough.¹³

P. Dukes' interest in the North and the Arctic can be explained by his work at the University of Aberdeen, because considering themselves northerners, the Scotsmen made great efforts to develop relations with the Scandinavian countries, Finland, and the Russian North.

P. Dukes' long-term cooperation with the Ural historians turned out to be very fruitful. He came to the Urals four times, each time deepening his knowledge of the region and expanding his understanding of it geographically. During his first visit to Yekaterinburg, he visited the symbolic border between Europe and Asia and then went to Nevyansk, Alapaevsk, and Verkhnyaya Pyshma as well as the villages of Nizhnyaya Sinyachikha and Koptelovo, which preserved their traditional peasant history. Having "experienced" the Urals, he could reasonably reflect on its regional specifics. In his report delivered at the conference "The Regional Factor of Russian Modernization in the 18th – 20th Centuries" at the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences in 2013, Dukes pointed to the main differences between the Urals and Scotland as a country that includes 14 regions.¹⁴ He symbolically started from a comparison of the famous statements by two national poets: "Russia cannot be known by the mind / Nor measured by the common mile. . ." (Fyodor Tyutchev) and "Scotland is indefinable, it has no unity except upon the map" (Robert Louis Stevenson).

¹³ Dukes, "My Discovery of the Russian North," 26.

¹⁴ V.V. Alekseev, ed., *The Regional Factor of Russian Modernization in the 18th – 20th Centuries: Collected Articles* [in Russian] (Yekaterinburg: UIPTs, 2013), 43.

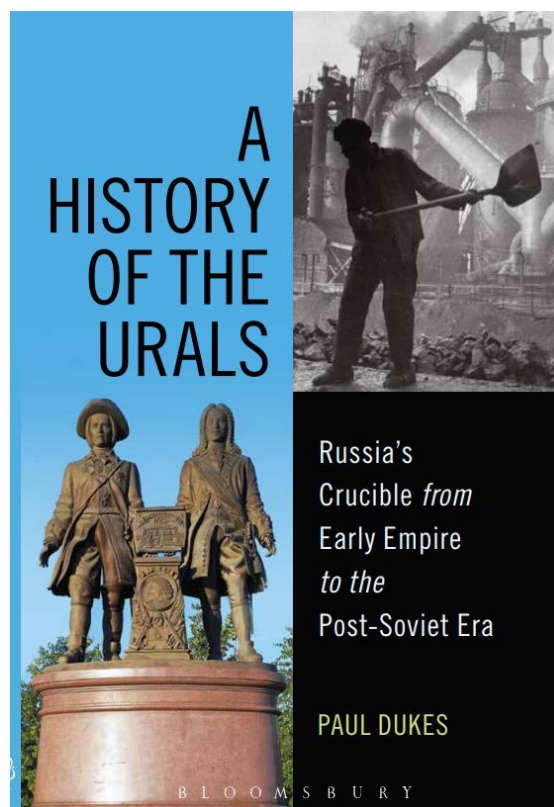

Paul Dukes on the belfry of the Nevyansk tower. Nevyansk, 2013
Source: photo by E.V. Alekseeva

The result of cooperation with his Ural colleagues and of his trips to Yekaterinburg was the book *A History of the Urals: Russia's Crucible from the Early Empire to the Post-Soviet Era*¹⁵ published in 2015 in England. The author points to the applicability of both meanings of the noun “crucible” (“melting crucible” and “severe test or trial”) to the subject of his research, since the Urals produced a lot of metal and overcame many difficulties.¹⁶

¹⁵ P. Dukes, *A History of the Urals: Russia's Crucible from the Early Empire to the Post-Soviet Era* (London: Bloomsbury, 2015).

¹⁶ Dukes, *A History of the Urals*, x.

Cover of the book *A History of the Urals: Russia's Crucible from the Early Empire to the Post-Soviet Era* by Paul Dukes

Source: photo by E.V. Alekseeva

In his path-breaking work (this is the first book that tells the reader the history of the Urals in English, from the early Russian colonization to the present day), Dukes focuses attention on the Urals taken in its regional dimension and convincingly demonstrates that the Urals is not just a traditional geographical border between European and Asian Russia, but a key region in the economic, social, technological, and military history of tsarist, Soviet and post-Soviet Russia, which contributed to the strengthening of its position in the world. The peculiarity of Dukes' research position is that he considers the region not as the frontier of Europe or Asia, but as a significant part of the planet as a whole. The history of the Urals is “a microcosm of modern world history, moving from hunting, farming and commercial stages through the industrial.”¹⁷ The scholar explores the history of the region, whose symbolic geographical boundaries in the early stages were Solikamsk and Verkhoturys, and its contribution to the development of the state, starting from the 16th century and finishing in 2012 (the year the book was written), offering a necessary counterbalance to the stable Moscow-centric interpretation of Russian history, which is sometimes characteristic not only of foreign historiography, but also of our colleagues from the capital. Paying tribute to various merits of the first persons in Russian and Soviet history in the development of the Urals (as an aside, let me note

¹⁷ Dukes, *A History of the Urals*, 4.

that Dukes devoted many pages in his works to the study of the role of the individual in history, analyzing the activities of representatives of the Stuart and Romanov houses, leaders of the world and Russian revolutionary processes, and leaders of the Big Three during the Second World War),¹⁸ the historian emphasizes that statesmen have always relied on their associates, talented and capable henchmen, on those who, like Tatishchev and Gennin, “developed the imperial heritage” at the local level”¹⁹

The history of the Urals is divided by the author into eight stages and is analytically revealed through three waves of Russian modernization (pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet), each of which is characterized through a system of state control, exploitation of natural and human resources, and cultural development.²⁰ Paul Dukes consistently acquaints the reader with the development of the region that was new for the Russians, its technical, economic, and socio-cultural evolution at the stages of creating an empire (1552–1725); tsarist modernization (1725–1825); counter-reforms (1825–94); the transition from tsarist to Soviet Russia (1894–1921); Soviet modernization and the Great Patriotic War (1921–45); post-war reconstruction and cold war (1945–64); the stagnation and collapse of the Soviet state (1964–91); new Russia (1991–2012). The attention of readers (not only historians, but also sociologists, for example) is attracted by

a play of scales, primarily regional and national, to which comparative observations about the Russian Empire and the British Empire, about the Soviet and the American industrialization are sometimes added.²¹

Paul Dukes literally “weaves” the Ural topic into the general canvas of Russian and world history. Starting with the arrival of the Russians in the region, he shows how with the development of industry it turned from a periphery into a pivot and became increasingly important for the rising state Russia had become by the first quarter of the 18th century. Then, unlike Sweden, Poland, partly Holland, and France that were descending, the Russian and British empires were on the ascending stage of their development, and thanks to its unfolding industrial potential, the Ural region played a significant role in the rise of Russian might, aligning it with British industrial

¹⁸ P. Dukes, *October and the World. Perspectives on the Russian Revolution* (London: Palgrave Macmillan, 1979); Dukes, Herd, and Kotiliane, *Stuarts and Romanovs*; P. Dukes, ‘Great Men’ in the Second World War. *The Rise and Fall of the Big Three* (London: Bloomsbury Academic, 2017); et al.

¹⁹ Dukes, *A History of the Urals*, 27.

²⁰ Dukes, *A History of the Urals*, 3.

²¹ Veselkova, “A Whole Region,” 141.

development. Thus, in the middle of the 18th century, two-thirds of the metal produced by the Ural plants was exported to Great Britain.²²

Paying sufficient attention to the national, economic, and cultural contradictions and difficulties that accompanied the history of the region throughout the entire period under consideration, the British historian remains balanced in his assessments of even sharp clashes, adhering to an impartial narrative, without politicizing and without groundlessly shifting emphasis towards barbarism, despotism, and various kind of infringement of peoples and individuals by the tsarist, and later by the Soviet and post-Soviet state, as is often done in British historiography, which has been meticulously shaping the image of savage and hostile Russia for many centuries. Taking into account various difficulties and challenges to the social development of Russia in the face of external threats, harsh climate, and vast geographical areas allows the historian to conduct his research not opportunistically, but objectively and professionally.

Analyzing Paul Dukes' understanding of the geographical determinants and historical conditions of the formation of cultural and political regionalism in Russia, it is worth noting that, being a resident of an island state, he extended the metaphor of the island to the Urals, perceiving the huge mass of Russian land as an ocean, in which the Ural region appeared as a group of islands, changing their outlines, at one moment shrinking, at another expanding. Using another analogy, he pointed to the pioneers who crossed the North American plains, which also seemed to them to be a limitless ocean. Not only are these comparisons of the Urals with the USA and Europe figurative, but they also emphasize the status of the region and its global significance.²³ Contemplating the features of the geographical relief, mountainous in the north and south but gently sloping in the center, the historian calls the "Stone Belt" one of the great world divides similar to the equator or the Greenwich meridian. However, linking geographical features and socio-economic processes, the historian proceeded from his vision of the Urals, considered not as a frontier but as an authentic region, determined primarily by historical rather than administrative community. Throughout history, the state sought to strengthen its presence in the Urals, spreading its administrative and educational systems there, while the inhabitants of the region defended their identity. Dukes noted that it was the least mountainous part of it, the conditional middle of the ridge, that became the most significant center of metallurgy in the 18th century, the crucible of the Russian Empire and then the Soviet Union and had remained one of the most important industrial regions of the state until oil and gas "switched attention" to the north.

²² Dukes, *A History of the Urals*, 27, 30.

²³ Dukes, *A History of the Urals*, 4.

P. Dukes refers to the Urals as the world leader (meaning the volume of output and the quality of the metal produced) in 1761–1801. In this regard, the words of Mr. Foster, the agent for the Russia Company, said at the bar of the House of Commons in 1774, are revealing:

The articles we bring from Russia, our hemp, our iron, our flax, are so indispensably necessary to us for every purpose of agriculture and of commerce, that had we no export trade, we would be very expedient we should attentively cultivate the friendship of Russia, on account of our import trade only... without them, our navy, our commerce, our agriculture, are at end; without them, where would be our wealth, where our naval honours?²⁴

Emphasizing interconnected relationships among economies and cultures, the British historian concludes that “Europe had been good for the modernization of the Urals, and the modernization of the Urals good for Europe.”²⁵

Paul Dukes at the conference “Diffusion of European Innovations in the Russian Empire.”
Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Yekaterinburg, 2009

Source: photo by M. Makarova

²⁴ Dukes, *A History of the Urals*, 37–38.

²⁵ Dukes, *A History of the Urals*, 45.

In the last years of his life, Professor Dukes studied the Russian Far East. In particular, he visited Vladivostok in 2017. This region interested him as an object of international rivalry. In addition, the scholar studied the development features of the Far East depending on the influence of external factors and its significance for Russia. His research crystallized into the book *Russia in Manchuria. A Problem of Empire*, which was completed shortly before his death and published in London in the winter of 2022.²⁶ This is a predominantly analytical narrative, providing an overview of the history of Manchuria with a special focus on the Russian and Soviet factor, which for a long time dominated international relationships in this region. Proceeding from the early colonization of the region, the author considers the importance of the Chinese Eastern Railway and the city of Harbin for strengthening the Russian presence in the region and developing its economy. The researcher focuses on Harbin and the Russians in this city. It is no coincidence that the book is preceded by an epigraph, a poem by Arseny Nesmelov:

Dear city, proud and well-built,
The day will come,
When they won't remember, that you were fashioned
By a Russian hand.
Let us not avert our eyes
From such a bitter fate;
Remember, old man historian,
Remember us.
You will look for what has been forgotten,
You will write some mournful pages,
And to the Russian cemetery
A tourist will drop by.
He will take with him a dictionary
And read the epitaphs . . .
And so our little lamp will be extinguished,
Its flickering flame worn out!²⁷

Harbin, which had grown thanks to the construction of the railway and was inhabited by the Chinese and the Russians, had a distinctive feature of the deep region, which was further intensified during the years of the Russo-Japanese War: it provided shelter for the wounded and entertainment for soldiers and officers waiting to be called to the front. After the war of 1904–05, when Russia and Japan divided

²⁶ P. Dukes, *Russia in Manchuria. A Problem of Empire* (London: Routledge, 2022).

²⁷ A.I. Nesmelov, "Poems about Harbin" [in Russian], Wikisource, accessed February 1, 2022, [https://ru.wikisource.org/wiki/Стихи_о_Харбине_\(Несмелов\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Стихи_о_Харбине_(Несмелов))

Manchuria into northern and southern spheres of interest (Russia dominated in Mongolia and Japan took over Korea), Harbin, the “Russian capital” in Manchuria, continued to grow and develop. The city’s cosmopolitanism was visually imprinted in cultural images of the 1920s: fashionable clothes and endless Charleston as well as in lively press and ideological discussions somewhat similar to those in Weimar Germany.

The peculiarity of this monograph lies in the fact that being dedicated to the specific region located in the northeast of China, Manchuria, it presents this region to the reader as a prism that refracted the rays of the imperial aspirations of Russia, Britain, Japan, and the USA. Throughout the book, the author reflects on the nature of the empire, specific features of Russian/Soviet imperialism, and its similarities with and differences from the imperial experience of other countries. P. Dukes draws parallels between the British Empire and the Russian Empire: both of them appealed to the Greco-Roman imperial tradition and in the 17th century they drove aggressive expansion, led, respectively, by the British “Sea Dogs” and the Russian Cossacks, who conquered the reaches of Siberia. The expansion was encouraged by the new ruling dynasties: the Stuarts (James I became king in 1603) and the Romanovs (Mikhail Romanov was elected tsar in 1613). However, annexation of new territories proceeded unevenly because by the middle of the 17th century Britain and Russia had faced serious internal upheavals. Yet, the Russians were the first to penetrate Manchuria, and the British, French, Germans, and Americans appeared in the region later.²⁸ Although Great Britain and Russia showed increasing interest in the Far East as the global imperial rivalry intensified, there had been no serious clashes in Manchuria before the railway appeared. However, in the early 20th century, the unrest in China (the Boxer Rebellion) was followed by the Russo-Japanese War, which had a significant impact not only on the Far East but on the whole world and became, in particular, a prerequisite for the First Russian Revolution. The struggle for power during the years of the Russian Civil War and foreign military intervention was particularly tense in the Far East. In August 1945, the Red Army entered Manchukuo and soon gained the victory that ended the Second World War. The expansion of this region was completed by the Korean War of 1950, which, according to Dukes, convinced Stalin that it was time for the Soviet Union to leave Manchuria.

Conclusion

British historian Paul Dukes made a significant contribution to English-language historiography by creating an image of the peripheral – northern and eastern – regions of Russia. Working in the genre of analytical narrative, he based his

²⁸ Dukes, *Russia in Manchuria*, 8.

scholarship upon the works of Russian, Soviet, and Western historians, historical documents, as well as his own impressions, and considered the regions of Russia under study in different contexts, from personal to geopolitical.

The image of the Russian North, created by Paul Dukes, was shaped by the personal impressions of the foreign traveler and reflected the details of everyday life and human relationships in the mid-1990s, and therefore is perceived as alive, warm, patriarchal, and authentic.

The Urals as a region was studied by P. Dukes in a most detailed way: four centuries of its history, economic development, and social and cultural life were characterized by the British historian both in general and in particular. He based his work upon the methodological foundation that had been laid under the studies of the Urals' history by the scholars of the Ural academic school of historians.²⁹ His monograph on the history and modernity of the Urals is the result of a long-term professionally carried out special research into the geographic, economic, political, and socio-cultural determinants and the results of the development of Russia's pivotal region. Path-breaking in Western historiography, this monograph postulates and proves the thesis about the necessity to explore the Urals as a planet-scale region, without reducing its role to the border of Europe and Asia, the European part of Russia and Siberia, the frontier of the Russian advance to the east: "the more the importance of the region to the whole country is realized from the eighteenth century onwards, the less important the question of the Europe-Asia boundary becomes."³⁰ As a result of his research, the author came to the conclusion and recommendation:

For this purpose, the combination of brawn (extracting minerals) and brains (making use of them) constantly in evidence from the time of Tatishchev and Gennin, in the early eighteenth century onwards must be fostered, with the maximum degree of autonomy for the Ural region and its inhabitants in order to continue to address the twin task of modernization and the construction of civil society. Only thus, after two failures in tsarist and Soviet times, will the Urals realize their full potential in the context of the grave problems facing Russia and the whole world.³¹

Russian Manchuria appears in the latest monograph by Paul Dukes as a region of intense international rivalry, a zone of great turbulence for a variegated conglomeration of people of different national, political, and professional

²⁹ I.V. Poberezhnikov, ed., *Veniamin Alekseev: Horizons of History* [in Russian] (Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2019), 237–59.

³⁰ Dukes, *A History of the Urals*, 200.

³¹ Dukes, *A History of the Urals*, 204.

background, a kind of a detonator of the largest world upheavals of the first half of the 20th century.

Paul Dukes left a rich intellectual legacy to historians, showing by his publications a necessity and an opportunity for a foreign scholar to fruitfully conduct a professional non-committed study of the regions that constitute Russia and are its backbone. Historicism, objectivism, broad outlook, comparativism, and the ability to adjust his research optics to micro- and macromodes depending on the tasks and specifics of the study were typical traits of the style of his writing.

Список литературы

Вениамин Алексеев: горизонты истории / под редакцией И.В. Побережникова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2019. 470 с.

Веселкова Н.В. «Целый край с людьми, природой и всеми богатствами...» // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 1. С. 141–155.

Голдин В.И. Памяти профессора Пола Дьюкса // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 5. С. 118–120.

Голдин В.И. Личность в науке: профессор Пол Дьюкс // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 2. С. 503–514.

Голдин В.И., Алексеева Е.В. Британский исследователь истории России: научное наследие профессора Пола Дьюкса // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 189–198.

Дьюкс П. Минуты до полуночи: историческая наука и эра антропоцена с 1763 года / перевод с английского А.А. Алексеевой. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2015. 194 с.

Никитина Н.А., Тулякова Н.А. Жанр травелога: когнитивная модель // Номо Локуэнс: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сборник научных статей / под редакцией И.Ю. Щемелевой. Санкт-Петербург: Астерион, 2013. Вып. 5. С. 132–138.

Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв.: сборник научных статей / под редакцией В.В. Алексеева. Екатеринбург: УИПЦ, 2013. 357 с.

Dukes P. ‘Great Men’ in the Second World War. The Rise and Fall of the Big Three. London: Bloomsbury Academic, 2017. 216 p.

Dukes P. A History of Russia. Medieval, Modern, and Contemporary. London: McGraw-Hill Book Company, 1974. 361 p.

Dukes P. A History of the Urals: Russia’s Crucible from the Early Empire to the Post-Soviet Era. London: Bloomsbury, 2015. 272 p.

Dukes P. Minutes to Midnight: History and the Anthropocene Era since 1763. London: Anthem Press, 2011. 166 p.

Dukes P. My Discovery of the Russian North // Жизнь, полная смысла. Профессор В.И. Голдин: историк, политолог, науковед, международник, путешественник: сборник к 70-летию доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владислава Ивановича Голдина / составитель М.Л. Марченков. Архангельск: Лоция, 2021. С. 22–28.

Dukes P. October and the World. Perspectives on the Russian Revolution. London: Palgrave Macmillan, 1979. 224 p.

- Dukes P.* Russia in Manchuria. A Problem of Empire. London: Routledge, 2022. 174 p.
- Dukes P.* The Discontents of Counterfactualism // *History today*. 2017. Vol. 67, iss. 1. P. 72.
- Dukes P.* The Making of Russian Absolutism, 1613–1801. London; New York: Longman, 1982. 197 p.
- Dukes P., Herd G.P., Kotiliane J.T.* Stuarts and Romanovs. The Rise and Fall of a Special Relationship. Dundee: Dundee University Press, 2009. 262 p.
- Frame M.* Scotsman Obituaries: Prof Paul Dukes, historian known for works on Russia // *The Scotsman*. URL: <https://www.scotsman.com/news/people/scotsman-obituaries-prof-paul-dukes-historian-known-for-works-on-russia-3411364> (дата обращения: 01.02.2022).
- Harris J.R.* The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca; London: Cornell University Press, 1999. 235 p.
- Kondratiev S.* Paul Dukes, A History of the Urals: Russia's Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era. London: Bloomsbury Academic, 2015. 272 p. // *Revue des études slaves*. 2016. № LXXXVII–3–4. P. 524–527.
- Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. 639 p.
- Russia and Europe / edited by P. Dukes. London: Collins & Brown, 1991. 380 p.
- Samuelson L.* Tankograd. The Formation of a Soviet Company Town: Cheliabinsk 1900s – 1950s. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 351 p.

References

- Alekseev, V.V., ed. *Regional'nyi faktor modernizatsii Rossii XVIII–XX vv.: sbornik nauchnykh statei* [The Regional Factor of Russian Modernization in the 18th – 20th Centuries: collected articles]. Yekaterinburg: UIPTs, 2013. (In Russian)
- Dukes P. 'Great Men' in the Second World War. *The Rise and Fall of the Big Three*. London: Bloomsbury Academic, 2017.
- Dukes, P. "My Discovery of the Russian North". In *Zhizn', polnaya smysla. Professor V.I. Goldin: istorik, politolog, naukoved, mezhdunarodnik, puteshestvennik: sbornik k 70-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora, zaslužhennogo deyatelya nauki Rossiiskoi Federatsii Vladislava Ivanovicha Goldina* [A life full of meaning. Professor V.I. Goldin: a historian, political scientist, science theorist, international affairs expert, traveler: a collection dedicated to the 70th anniversary of Vladislav I. Goldin, Doctor of Historical Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation], compiled by M.L. Marchenkov, 22–28. Arkhangelsk: Lotsiya, 2021.
- Dukes, P. "The Discontents of Counterfactualism." *History Today*, vol. 67, iss. 1 (2017): 72.
- Dukes, P. *A History of Russia. Medieval, Modern, and Contemporary*. London: McGraw-Hill Book Company, 1974.
- Dukes, P. *A History of the Urals: Russia's Crucible from the Early Empire to the Post-Soviet Era*. London: Bloomsbury, 2015.
- Dukes, P. *Minutes to Midnight: History and the Anthropocene Era since 1763*. London: Anthem Press, 2011.
- Dukes, P. *October and the World. Perspectives on the Russian Revolution*. London: Palgrave Macmillan, 1979.
- Dukes, P. *Russia in Manchuria. A Problem of Empire*. London: Routledge, 2022.
- Dukes, P. *The Making of Russian Absolutism, 1613–1801*. London; New York: Longman, 1982.
- Dukes, P., ed. *Russia and Europe*. London: Collins & Brown, 1991.

Dukes, P., G.P. Herd, and J.T. Kotiliane. *Stuarts and Romanovs. The Rise and Fall of a Special Relationship*. Dundee: Dundee University Press, 2009.

Dyuks, P. *Minuty do polunochi: istoricheskaya nauka i era antropotsena s 1763 goda* [Minutes to Midnight: history and the Anthropocene Era since 1763]. Translated from English by A.A. Alekseeva. Yekaterinburg: UMTs UPI, 2015. (In Russian)

Frame, M. “Scotsman Obituaries: Prof Paul Dukes, Historian Known for Works on Russia.” *The Scotsman*. Accessed February 1, 2022. <https://www.scotsman.com/news/people/scotsman-obituaries-prof-paul-dukes-historian-known-for-works-on-russia-3411364>

Goldin, V.I. “Lichnost' v nauke: professor Pol D'yuks” [Personality in Science: Professor Paul Dukes]. *Noveishaya istoriya Rossii*, vol. 12, no. 2 (2022): 503–14. (In Russian)

Goldin, V.I. “Pamyati professora Pola D'yuksa” [In memory of Professor Paul Dukes]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 5 (2021): 118–20. (In Russian)

Goldin, V.I., and E.V. Alekseeva. “Britanskii issledovatel' istorii Rossii: nauchnoe nasledie professora Pola D'yuksa” [British researcher of Russian history: the scientific legacy of Professor Paul Dukes]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 3 (76) (2022): 189–98.

Harris, J.R. *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1999.

Kondratiev, S. “Paul Dukes, A History of the Urals: Russia’s Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era. London: Bloomsbury Academic, 2015. 272 p.” *Revue des études slaves*, no. LXXXVII–3–4 (2016): 524–27.

Kotkin, S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995.

Nikitina, N.A., and N.A. Tulyakova. “Zhanr traveloga: kognitivnaya model'” [Travelogue genre: a cognitive model]. In *Homo Loquens: Aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: sbornik nauchnykh statei* [Homo Loquens: Topical issues of linguistics and foreign language teaching: collected research articles], edited by I.Yu. Shchemeleva, iss. 5, 132–38. St Petersburg: Asterion, 2013. (In Russian)

Poberezhnikov, I.V., ed. *Veniamin Alekseev: gorizonty istorii* [Veniamin Alekseev: horizons of history]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2019. (In Russian)

Samuelson, L. *Tankograd. The Formation of a Soviet Company Town: Cheliabinsk 1900s – 1950s*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.

Veselkova, N.V. “Tselyi kraj s lyud'mi, prirodoy i vsemi bogatstvami. . .” [‘A whole region with people, nature and all the riches. . .’]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 15, no. 1 (2016): 141–55. (in Russian)

Информация об авторе

Елена Вениаминовна Алексеева – доктор исторических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, <https://orcid.org/0000-0001-9958-9123>, alekseeva167@mail.ru; Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (д. 16, ул. Софьи Ковалевской, 620108 г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Elena V. Alekseeva – Doctor of Historical Sciences, Professor of RAS, Leading Researcher in the Center for Methodology and Historiography of the Institute of History and Archeology of the

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-9958-9123>,
alekseeva167@mail.ru, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences (16, ul. Sof'i Kovalevskoi, 620108 Ekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 04.06.2022; одобрена после рецензирования 14.07.2022;
принята к публикации 18.07.2022.

The article was submitted 04.06.2022; approved after reviewing 14.07.2022; accepted for
publication 18.07.2022.